

В нашем классе когда-то висели картины. Их давно сняли, но в стенах осталось шесть больших железных костылей. Эти костыли вызвали у нас одну «удачную мысль». Наш класс осуществил её с блеском и ловкостью.

Шестерых самых лёгких и маленьких ростом гимназистов, в том числе и меня, подвесили за туго затянутые кушаки к костылям. (б)Костыли больно давили на поясницу. Спирало дыхание.

В класс влетел учитель латыни Субоч. В это время все остальные гимназисты сделали между партами «стойку» — стали вниз головой, вытянув вверх ноги и опираясь руками на парты.

Субоч разогнался и не мог остановиться. Он швырнул на стол журнал, и в ту же минуту весь класс с грохотом перешёл в «исходное положение» — стал на ноги и сел на места. А мы, шестеро, отстегнули кушаки, упали на пол и тоже сели за парты.

Наступила звенящая зловещая тишина. Всё было в полном порядке. Мы сидели с невинным видом, как будто ничего не случилось. Субоч начал бушевать. Но мы отрицали всё начисто. Мы упрямо доказывали, что ничего не было, никто не висел на стенах и класс не делал никакой «стойки». Латинист растерялся. Выражение тревоги появилось у него на лице: Субоч был очень мнительный.

Потом он сорвался с места и вылетел из класса. До конца урока мы просидели одни, стараясь не шуметь. Мы были встревожены удачей «психологического опыта» и боялись, что после этого Субоч действительно повредится в уме.

Но всё окончилось проще. Слух о «психологическом опыте» разнёсся по гимназии и вызвал завистливое восхищение. Гимназисты младшего класса решили повторить этот опыт с одним из своих учителей. Но, как известно, гениальное удаётся только раз.

Субоч всё узнал и пришёл в ярость. Он произнёс обличительную речь. В этой речи учитель сделал неожиданный поворот. Он стыдил нас не за то, что мы ввели его в обман, а за то, что мы осмелились вести себя так недостойно на уроке самого великолепного из всех языков мира.

Латинский язык! — восклицал он. — Язык Овидия и Горация! Тита Ливия и Лукреция! Марка Аврелия и Цезаря! Перед ним благоговели Пушкин и Данте, Гёте и Шекспир! В латинском языке нет словесного мусора. Он весь литой. А вы? Вы издеваетесь над ним!

Вы позволяете себе превращать занятия этим языком в балаган. Ваши головы начинены дешёвыми мыслями! Мусором! Всякой белибердой!

Стыдитесь!

Субоч гремел. Мы были подавлены тяжестью этих обвинений и картиной собственного ничтожества.

Примирение вскоре было достигнуто. А потом наступил и величайший триумф «золотой латыни». Стараясь загладить свою вину перед Субочем, мы яростно засели за латынь. И вот пришёл наконец тот памятный день, когда Субоч вынужден был поставить всем, кого он вызвал, по пятёрке.

Счастлирое стечение обстоятельств! — усмехнулся в усы учитель.

И на следующем уроке, как он ни придирался к нам и ни гонял нас по «тёмному тексту», снова должен был поставить всем по пятёрке. Субоч сиял. Но радость его была отравлена некоторой тревогой.

После третьего урока, когда опять все получили пятёрки, Субоч помрачнел.

Блистательное знание латыни приобретало характер скандала. Поползли вздорные слухи. Злые языки обвиняли Субоча в том, что он создаёт себе славу лучшего латиниста.

Всё это кончилось тем, что Субоч не выдержал общего недоверия и устроил нам общественный экзамен. Он пригласил на один из уроков помощника попечителя учебного округа, директора, инспектора Варсапонта и знатока латыни ксёндза³ Олендского.

Субоч придирался к нам неслыханно и лукаво. Он всячески старался запутать нас и ошеломить. Но мы мужественно встречали его удары, и экзамен прошёл блестяще.

Директор похохатывал и потирал руки. (бб)Варсапонт ерошил волосы. Помощник попечителя снисходительно улыбался.

После экзамена мы, конечно, раскисли. Мы не могли выдержать такого напряжения. Снова появились четвёрки и тройки, но слава лучшего латиниста осталась за Субочем. Ничто уже не могло её поколебать.

(По К. Г. Паустовскому*)

Паустовский Константин Георгиевич (1892-1968) — известный русский писатель, классик отечественной литературы.